

Григорий Дьяченко

**Из области
тайнственного**

РЕПРИНТ

Москва

RUGRAM

2022

УДК (03)
ББК 86(4)
Д93

Дьяченко Г.

Д93 Из области таинственного/ Г. Дьяченко. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 786 с. — (Старинные советы Анны Хлебской).

ISBN 978-5-521-78296-3

Простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной духовной сущности. С приложением рассказов и размышлений, приводящих к признанию духовного мира вообще.

Познайте все тайны и загадки Вселенной под руководством великой ворожеи прошлого Анны Хлебской.

BIC WZ
BISAC REF015000

ISBN 978-5-521-78296-3

© Наталья Никонова, обложка, 2022
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I. Присматриваясь къ тому, на какія области знанія затрачиваетъ человѣкъ свою энергію, не щадя ни силъ своихъ, ни средствъ, ни времени, дабы пріобрѣсть то или другое свѣдѣніе, завоевать то или иное открытіе въ области науки, искусства или промышленности, мы не можемъ не поразиться тѣмъ явленіемъ, что въ большинствѣ случаевъ человѣкъ меньше всего старается узнать самого себя, именно свою внутреннюю, духовную природу, свою богоподобную душу, надѣленную столь великими, столь разнообразными и таинственными силами и свойствами, что, казалось бы, нужно на время все оставить, чтобы сосредоточить все вниманіе на себѣ, на изученіи дивныхъ свойствъ и проявленій той духовной сущности, которая есть носитель нашего духовно-чувственного существа. Если природа физическая привлекаетъ къ себѣ пылливый умъ человѣка настолько, что онъ бываетъ способенъ посвятить всю свою жизнь изслѣдованію какихъ-нибудь микроскопическихъ насѣкомыхъ, какого-либо отдѣла минераловъ, или какой-либо области изъ царства растительнаго, — если мы, для пополненія своихъ этнографическихъ свѣдѣній, интересуемся нравами и обычаями людей, живущихъ за морями и океанами, напр., жителями Сандвичевыхъ острововъ и глубины Африки, — если для изученія исторіи земли человѣкъ спускается въ нѣдра ея съ ежеминутною опасностію найти себѣ смерть на каждомъ шагѣ своихъ изысканій: то не болѣе ли способенъ возбудить нашу любознательность, не болѣе ли интереса и теоретическаго и жизненно-практическаго, представляетъ для насъ нашъ собственный внутренний міръ, природа нашего таинственнаго духа, въ изученіи которой мы можемъ лаяти ключъ къ разрѣшенію высшихъ тайнъ физической природы и собственного существованія и жизни?

Изъ глубокой древности давно раздается голосъ философа: «познай самого себя»¹⁾, «возвратись домой!» Великій учитель западной церкви, блж. Августинъ, въ познаніи самого себя и своихъ духовныхъ немощей видитъ путь къ нравствен-

ному обновленію. «Родъ человѣческій, пишетъ онъ, почитаетъ очень важнымъ знаніе вещей земныхъ и небесныхъ; но гораздо болѣе имѣетъ цѣны знаніе насъ самихъ; гораздо болѣе достойны похвалы человѣкъ, которому извѣстна его собственная немощь, чѣмъ тотъ, кто испытываетъ и познаетъ пути звѣздъ, а не вѣдаетъ пути ко спасенію. Мудрецъ предпочитаетъ знаніе знанію, онъ лучше хочетъ знать свое безсиліе, чѣмъ знать огражденія міра, основанія земли и вершины неба, называя это знаніе *произволеніемъ* (De Trin. IV. Proem.). Познай, что ты! Познай себя безсильнымъ, познай грѣшникомъ, познай, что ты запятнанъ. Въ твоёмъ исповѣданіи откроется пятно сердца твоего; сознаніе грѣховъ заставитъ искать врача.

Но кто этотъ врачъ? Господь Іисусъ Христосъ. Вотъ высшая цѣль наша: мы должны почаще заглядывать въ собственное сердце для того, чтобы чрезъ познаніе себя самихъ убѣждаться въ нашей немощи и необходимости помощи Бога, Который есть единственный источникъ жизни, просвѣщенія, блаженства.

Душа наша имѣетъ разумъ, гдѣ есть образъ Божій, гдѣ обитаетъ Христосъ. Низойди же въ глубину своей души, и тамъ, во внутреннемъ человѣкѣ, ты ободришься для уподобленія Богу; въ образъ своемъ познаешь Виновника его. Богъ при насъ; Онъ въ душѣ нашей, и потому истинное познаніе души неразрывно связано съ познаніемъ Бога» («Блж. Августинъ какъ психологъ» профессора К. Скворцова, Кіевъ, 1870 года, стр. 48—49).

Ежедневный опытъ учитъ насъ, что нѣтъ большаго несчастія, какъ то, которое происходитъ отъ незнанія свойствъ души человѣческой, отъ непониманія тѣхъ основныхъ свойствъ духа, которыми обусловливается зарожденіе и образованіе характеровъ, талантовъ и гениевъ; всемірная исторія, и особенно средневѣковой періодъ ея, показываетъ намъ, что самыя ужасныя преступленія совершались надъ людьми совершенно невинными потому только, что невѣжественная толпа обвиняла ихъ, какъ волшебниковъ, чародѣевъ, вѣдьмъ, хотя предъ нею были люди

¹⁾ Надпись на дверяхъ дельфійскаго храма, сдѣланная главнымъ принципомъ философіи Сократа.

владѣвшіе знаніемъ психофизическихъ законовъ жизни, напр., знаніемъ гипнотизма, животнаго магнетизма и т. п., или больные, истеричные, сомнамбулы, лунатики, загипнотизированные и т. п., которыхъ слѣдовало лѣчить, а не жечь на костре. Странно сказать: въ средніе вѣка было сожжено на кострахъ и утоплено такихъ невинныхъ людей болѣе девяти миллионѣвъ! Такова ужасная дань психологическаго невѣжества среднихъ вѣковъ!

Но и въ наше время жестоко страдаютъ люди въ повседневной жизни отъ преступнаго незнанія законовъ и свойствъ душевной жизни человѣка. Въ семьѣ, на службѣ, въ судахъ и др. сферахъ частной и общественной жизни, мы пожинаемъ горькіе плоды незнанія свойствъ духа человѣческаго. Но особенно губительно отражается такое незнаніе при воспитаніи юношества. Самая величайшая изъ наукъ—наука воспитанія человѣческихъ существъ въ достойныхъ представителей рода человѣческаго, не можетъ имѣть надеждающей правильности и разумности, если въ основу ея не положено широкаго и вѣрнаго знанія свойствъ душевной жизни человѣка. Довольно указать на то, напримѣръ, явленіе психологической жизни, въ послѣднее время англійскими психологами твердо обоснованное и изученное, по которому ни одно впечатлѣніе, полученное человѣкомъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, напр., даже въ первые три мѣсяца младенчества, не пропадаетъ безслѣдно и ложится какъ матеріалъ для склада духовно-нравственной послѣдующей жизни и выработки личности человѣка, чтобы при воспитываніи дѣтей поставить твердое правило—законъ: оберегать ихъ зрѣніе, слухъ, всѣ чувства отъ всего недоброкачественнаго въ духовномъ отношеніи.

Но кромѣ всей неизмѣримо важной пользы знанія душевной жизни человѣка въ практическомъ отношеніи, оно крайне важно и въ религіозно-нравственномъ отношеніи, каковое отношеніе есть, было и будетъ первенствующимъ, что бы ни говорили противъ этого люди легкомысленные. Убѣдившись путемъ изученія экспериментальной психологіи въ существованіи души человѣческой, какъ богоподобной духовной сущности и всѣхъ ея дивныхъ проявленій, человѣкъ никогда не можетъ увлечься тѣмъ грубымъ материализмомъ, который, погружаясь въ растительные процессы организма, вслѣдствіе огрубѣнія, одичанія и озвѣренія отъ чувственной жизни, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей доходитъ до того, что, отрицая въ человѣкѣ душу, какъ богоподобную духовную сущность, утверждаетъ свое родство съ животными и безумствуетъ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ» или «мысль выдѣляется изъ мозга такъ же, какъ желчь изъ печени», или: «мысль есть движеніе матеріи». Если око души нашей здраво, не омрачено грѣховными желаніями, то наблюде-

ніе надъ своею собственною душою будетъ все болѣе и болѣе раскрывать для насъ непосредственно присущую нашему духу мысль или вѣдѣніе о Богѣ, что прекрасно выразилъ великій учитель церкви, Климентъ александрійскій: «кто познаетъ самого себя, тотъ познаетъ Бога» (см. «Опытъ прав. догм. богосл.» еп. Сильвестра, т. I, стр. 197). Равнымъ образомъ, безъ знанія силъ и свойствъ своей души невозможна истинно-нравственная дѣятельность по отношенію къ себѣ, другимъ людямъ и Богу, потому что, прежде чѣмъ узнать, что долженъ дѣлать человѣкъ, ему нужно знать, что онъ такое, какія въ немъ силы и способности, къ чему онъ можетъ и долженъ стремиться, какъ къ достижимому, чего долженъ избѣгать, какъ вреднаго, и что долженъ оставить, какъ превышающее его силы и способности.

Познавъ же, насколько возможно, душу свою разумную, духовную, свободную и бессмертную, человѣкъ съ благоговѣніемъ и радостію замѣтитъ, что она служитъ доказательствомъ какъ неизмѣримо высшей предъ всѣми другими существами на землѣ его природы, такъ и существованія духовно-нравственнаго міра, глава коего есть Богъ, то Верховное Существо — духовное, премудрое, всеблагое, свободное, личное и всемогущее, которое создало весь духовно-чувственный міръ и уготовало загробную участь для бессмертной души человѣка, назначенной къ вѣчному блаженству послѣ тѣлесной его смерти.

Но этого мало: изученіе душевной жизни человѣка, наблюденіе таинственныхъ явленій въ области психизма, можетъ доставить человѣку столь прочное и, можно сказать, опытное убѣжденіе въ бытіи души и ея бессмертіи, что никакія сомнѣнія невѣрія не могутъ поколебать его вѣры. А эта вѣра въ бессмертіе человѣческаго духа осмыслитъ всю его жизнь и наполнитъ ее такою радостію, которая избавитъ его отъ самыхъ ужасныхъ искушеній жизни и губительнаго пессимизма, часто приводящаго невѣрующихъ къ безотрадному разочарованію жизнью и самоубійству. Послушаемъ, что говоритъ великій писатель Достоевскій: «Статья моя «Приговоръ» касается основной и самой высшей идеи человѣческаго бытія, необходимости и неизбежности убѣжденія въ бессмертіи души человѣческой... Безъ вѣры въ свою душу и ея бессмертіе, бытіе человѣка неестественно и невыносимо... На мой взглядъ, въ весьма уже, въ слишкомъ уже большой части интеллигентнаго слоя русскаго... все болѣе и болѣе и съ чрезвычайною прогрессивною быстротою укореняется совершенное невѣріе въ свою душу и ея бессмертіе... Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни человѣкъ, ни нація. А высшая идея на землѣ *только одна* и именно—идея о бессмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальные *высшія* идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человекъ, *только изъ нея вытекаютъ*...»

«Любовь къ человѣчеству, продолжаетъ онъ нѣсколько далѣе, даже совѣтъ немислима, непонятна и *совѣтъ невозможенъ безъ совѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой*... Самоубійство при потерѣ идеи о безсмертіи становится совершенною и неизбѣжною даже необходимою для всякаго человѣка, чуть-чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами. Напротивъ, безсмертіе, общая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ человѣка съ землею. Тутъ, казалось бы, даже противорѣчіе: если жизни такъ много, т. е., кромѣ земной, и безсмертная, то для чего бы такъ дорожить землею-то жизнью? А выходитъ именно напротивъ, ибо только съ вѣрою въ свое безсмертіе человѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ... Словомъ, идея о безсмертіи, это — сама жизнь, живая жизнь, ея окончательная формула и главный источникъ истины и правильнаго сознанія для человѣчества» («Дневникъ писателя», 1876 г., стр. 319 и далѣе).

При признаніи фактовъ бытія души и загробной жизни большинство нападокъ на религію, основанныхъ якобы на невѣроятности ея фактовъ, теряетъ свою силу. Вѣра не будетъ болѣе поколеблена усиленіемъ человѣческаго ума постичь, какъ жизнь можетъ продолжаться и въ невидимомъ мірѣ, мысль о смерти не будетъ такъ ужасна. Чудеса новаго и ветхаго завета не будутъ намъ казаться остатками суевѣрныхъ преданій некультурнаго вѣка. Выиграли бы также и тѣ, кто смотритъ на психическіе феномены исключительно съ научной точки зрѣнія: легче было бы найти отвѣты на многіе, неподдающіеся разрѣшенію научные вопросы, открылись бы новыя области для плодотворныхъ опытныхъ изысканій; философія и психологія получили бы болѣе здоровое и цѣлесообразное направленіе. Болѣе того, результаты изслѣдованій вселили бы въ насъ непоколебимую увѣренность въ солидарности всего человечества и въ громадномъ значеніи для насъ невидимаго міра.

Потомъ: вѣра въ бытіе души человѣка, въ его посмертное существованіе, въ страшный судъ Христовъ и вѣчную жизнь съ ея невыразимымъ блаженствомъ для праведныхъ и жестокими муками для нераскаянныхъ грѣшниковъ, такая вѣра безусловно необходима для поднятія упавшихъ въ наше печальное время нравственныхъ идеаловъ, — время, въ которое многіе гонятся лишь за чувственными удовольствіями, не разбирая средствъ для удовлетворенія имъ, причежь злорѣчіе, осужденіе, шантажъ, клевета, воровство, обманъ всякаго рода, предательство и даже убійство допускаются весьма часто.

Далѣе, только тамъ, гдѣ вѣтъ твердой вѣры въ Бога и духовный міръ, горячей любви, широкаго знанія, — только тамъ можетъ родиться и найти себѣ послѣдователей такое воіище дикое ученіе, какъ анархизмъ. Нечего доказывать, что,

если бы человѣчество болѣе работало въ направленіи познанія сущности духа, выиграло бы дѣло братства и любви... Вѣроятно, гонители всякихъ «отсталыхъ» мистическихъ наукъ, подъ которыми они разумѣютъ ученіе о душѣ, оцѣли жизни, о сомнамбулизмѣ, телепатіи, гипнотизмѣ, вѣщихъ снахъ и т. д., очень удивятся, если мы скажемъ, что они-то, эти отрицатели всего таинственнаго и духовнаго, служатъ тормазомъ для человѣческой мысли и духа... Человѣчество, если оно хочетъ избавиться отъ такихъ ужасныхъ призраковъ, какъ анархизмъ, какъ разложеніе семейной жизни, какъ страшная порча нравовъ, какъ гибельное пьянство, какъ издѣвательство надъ нравственными идеалами, какъ оскуднѣніе вѣры, любви и надежды христіанской, какъ мрачный ужасный пессимизмъ нашихъ дней, — должно всѣми путями, всѣми средствами стремиться къ гармоническому духовному прогрессу. Прогрессъ же этотъ будетъ не полонъ безъ трудовъ психолого-богослововъ. Уважать человѣка можно лишь вѣра въ его духовно-нравственную природу. Если эта вѣра, подкрѣпленная фактами, будетъ тверда, то сами собою сдѣлаются невозможными убійство, насиліе, племенная или сословная вражда и т. д.. У нѣкоторыхъ изъ насъ не только нѣтъ вѣры въ духовную природу, но и нѣтъ терпимости къ людямъ, пытающимся познать духовную природу. Человѣчество какъ бы боится подойти къ той области, которую одинъ писатель (Оуэнъ) назвалъ «спорною между двумя мірами». Не можетъ быть свѣта, когда господствуютъ матеріалистическіе принципы и стремленія; не можетъ быть гуманизма, братства, когда о душѣ думаютъ столько же, сколько о прошлгоднемъ снѣгѣ... Нельзя жить только земнымъ, только матеріальнымъ. Стремленіе забыть о томъ, что кромѣ золота, пьянства, разврата, мишуры, пустыхъ забавъ есть еще иной міръ, болѣе высокій и совершенный, есть стремленіе къ мраку, къ застою, къ смерти. Нельзя дрожать только за одно свое матеріальное благосостояніе: это — эгоистическая, жалкая, животная дрожь. Надобно дрожать за человѣческое достоинство, которое теперь, именно теперь, въ концѣ вѣка, поругано и оскорблено дикими матеріалистами, фарисеями, скотоподобными эпикурейцами, челоѣконенавистниками. Надобно дрожать за чистоту духа, которая омрачена малодушіемъ, предательствомъ, эгоизмомъ, свѣтобоязнью, торжествомъ грязныхъ, темныхъ инстинктовъ. Анархизмъ отвратителенъ, но не потому только, что онъ стремится разрушить нашъ кровъ, отнять наше достояніе, истребить огнемъ и мечомъ человѣческую жизнь и все то, что служить ей, а потому, что онъ является олицетвореніемъ крайняго преобладанія матеріи надъ духомъ, обратной стороной истиннаго прогресса, исчадіемъ всего дурнаго, что таится въ человѣческой природѣ — послѣднимъ словомъ матеріализма и невѣрія въ духовную природу. Только этотъ міръ, только тѣло, только земля признаются

имъ. Отсюда — насиліе, убійство, разрушеніе... Нельзя же смотрѣть на цѣлое движеніе, на громадный трудъ пионеровъ въ психической и богословской области, какъ на произвольныя движенія и галлюцинаціи загипнотизированныхъ. Не принимайте ихъ словъ на вѣру, но выслушайте ихъ и проверьте потомъ, потому что, если замолчать эти немногіе, то кому же останется говорить? Не тѣмъ ли, для которыхъ «жизнь не болѣе, какъ веселое приключеніе», а утроба — все, на чемъ міръ стоитъ?

Вѣра въ бессмертіе души человѣка, вѣра въ посмертное существованіе его за гробомъ, утвержденная не авторитетными только свидѣтельствами Божественнаго откровенія и голосомъ всей христіанской церкви, имѣющими силу убѣдительности только для вѣрующихъ и тѣхъ, кто не зараженъ сомнѣніемъ невѣрія, — не апіорными только соображеніями, но доказываемая, такъ сказать, путемъ опытныхъ данныхъ психологіи и историческихъ явленій душъ умершихъ людей, такая вѣра можетъ устоять противъ всѣхъ нападокъ невѣрія и пессимизма и придать высшій идеальный смыслъ нашей скорбной жизни, гдѣ всѣ апіорные доводы въ пользу продолженія существованія нашей личности по смерти не могутъ идти въ сущности далѣе того, что показываютъ мыслимость, даже вѣроятность этого существованія, и ослабляютъ противоположаемые этимъ доводамъ сомнѣнія. Само по себѣ это важно и имѣетъ значеніе, но недостаточно; здѣсь, какъ и вообще во всякомъ фактическомъ вопросѣ, желательны доказательства, основанныя на *фактахъ*, на твердо установленной, неоспоримой *реальности*. Только такимъ образомъ упомянутая возможность восходитъ на степень несомнѣнной *дѣйствительности*. Если бы такія фактическія доказательства были найдены, и упомянутая дѣйствительность вполне доказана сообразно съ логическими началами опытного естествознанія, то это было бы такимъ результатомъ, съ которымъ *по внутренней силѣ и значенію не сравнится бы ни одинъ изъ существующихъ во всей исторіи цивилизаціи*. Старинный вопросъ о назначеніи человѣка былъ бы такимъ образомъ положительно рѣшенъ, и все сознаніе человѣчества стало бы ступенью выше. *Человѣкъ зналъ бы* то, что открывалось ему до сихъ поръ лишь въ области вѣрованія, предчувствій и теплыхъ надеждъ, — онъ зналъ бы, что онъ членъ вѣчнаго духовнаго міра, въ которомъ будетъ продолжаться его жизнь, — что временное существованіе его на землѣ составляетъ лишь дробную часть будущей вѣчной жизни, — что ему только тамъ сдѣлается вполне доступно пониманіе его назначенія. Пріобрѣтѣ это глубокое убѣжденіе, человѣчество прониклось бы совершенно новымъ, воодушевляющимъ пониманіемъ своей жизни, идеализмомъ, сильнымъ фактами. Это равнялось бы полной переработкѣ человѣка по отношенію къ его сущности и дѣятельности, было бы

нравственнымъ и умственнымъ просвѣтленіемъ. Тотъ, кто потерялъ внутреннюю уверенность въ своемъ вѣчномъ назначеніи, въгнущъ въ вѣчную жизнь, будетъ ли то отдѣльная личность, цѣлый народъ или извѣстная эпоха, и того вырванъ съ корнемъ источникъ всякой воодушевляющей силы, способности къ самопожертвованію, къ цивилизаціи. Онъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ и долженъ тогда быть, эгоистическимъ, чувственнымъ существомъ, погруженнымъ единственно въ заботы самосохраненія. Его культура, его просвѣщеніе имѣютъ тогда цѣлю лишь служить на помощь и украшеніе чувственной жизни или, по крайней мѣрѣ, устранять то, что можетъ вредить ей.

Старинное изреченіе, давно сдѣлавшееся тривіальнымъ: «*tememento mori*», превращается въ новое, болѣе серьезное — «*tememento vivere*», т.-е.: помни, что ты навѣрное будешь жить, но твое будущее состояніе прямо опредѣляется общимъ результатомъ здѣшней жизни, каковъ бы свѣтъ ни былъ — радостенъ для тебя или нѣтъ. Этотъ выводъ въ области психизма не маловаженъ, особенно въ такое время, которое издавна привыкло вычеркивать заботу о будущемъ мірѣ изъ списка своихъ повседневныхъ интересовъ... Тотъ, кто свободно, научнымъ путемъ дошелъ до положительныхъ убѣжденій относительно этой высшей проблемы жизни, не имѣетъ права молчать въ такомъ важномъ вопросѣ и въ виду настоятельной потребности его разрѣшенія.

II. Сказавъ о необходимости и важности изученія свойствъ и явленій душевной жизни человѣка, мы должны теперь осведомить читателя, что настоящая наша книга не представляетъ строго-научной работы въ области опытной психологіи и не излагаетъ научнымъ, отвлеченнымъ языкомъ законовъ и явленій жизни человѣческаго духа. Мы задались болѣе скромною задачею — представить систематическій сводъ тѣхъ фактовъ и явленій изъ области, такъ называемой, экспериментальной (опытной) психологіи, которые въ послѣднее время подробно изучены, достаточно проверены и сдѣланы извѣстными большинству образованныхъ читателей Германіи, Франціи и, особенно, Англіи. Въ нашемъ отечествѣ эти факты и явленія душевной жизни, полныя самаго живого интереса, неотразимо развивающіе матеріалистическія воззрѣнія на духовно-нравственную жизнь человѣка, весьма мало извѣстны и то благодаря только немногимъ переводнымъ трудамъ (напр., «Физиологія ума» — Карпентера, «Опытной психологіи» Гевдинга, «Души и тѣлу», соч. Г. Ульрици, «Философіи мистики» — Дю-Преля, «Телепатическимъ явленіямъ или прижизненнымъ призракамъ» — Гёрнея, Подмора и Майерса и нѣк. др.), многимъ прекраснымъ статьямъ А. Аксакова, частію печатавшимся въ журналѣ «Ребусъ», гдѣ помѣщено весьма много цѣнныхъ работъ по психизму, частію изданнымъ отдѣльно, и труду про-

фессора Московскаго Университета М. Погодина¹⁾, изданаго лѣтъ 30 тому назадъ книгу подъ названіемъ: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ», которая въ настоящее время, въ виду сдѣланныхъ новыхъ наблюденій и открытій въ области экспериментальной психологіи, оказывается весьма неполною и во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительною. Восполнить существующій пробѣлъ въ этомъ отношеніи и доставить читателю доступную для его пониманія книгу, состоящую преимущественно изъ полныхъ глубокаго и живого интереса разсказовъ о душевной жизни человѣка, расположенныхъ въ известной системѣ и снабженныхъ необходимыми пояснительными примѣчаніями и статьями, — было нашей задачею.

Вся наша книга состоитъ изъ трехъ частей и одного приложения.

Въ первой части изложены разсказы съ необходимыми къ нимъ поясненіями, знакомящіе съ свойствами и явленіями душевной жизни человѣка въ бодрственномъ состояніи. Здѣсь читатель ознакомится съ способностью нѣкоторыхъ душъ предвидѣть ближайшее будущее (предчувствія) и даже отдаленное (второе зрѣніе), созерцать всю протекшую жизнь въ краткое время — въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, видѣть себя, слышать голоса и созерцать образъ близкихъ или родныхъ лицъ на дальнемъ разстояніи (телепатія), непосредственно знать то, что происходитъ вдали въ данное время, воспринимать и слышать внутренній голосъ, — съ способностью воли дѣйствовать на разстояніи, угадывать чужія мысли (чтеніе мыслей), чрезъ непосредственное или посредственное прикосновеніе оказывать цѣлительное дѣйствіе на нѣкоторыхъ больныхъ (животный магнетизмъ), припоминать вдругъ весьма давнія событія (скрытая память), оказывать весьма сильное вліяніе духа на тѣло и именно чрезъ вліяніе сознанія на тѣлесную природу человѣка, чрезъ вліяніе воли на ощущенія, чрезъ вліяніе различныхъ состояній духа (эмоцій) на болѣзненные процессы въ тѣлѣ.

Во второй части сгруппированы разсказы, знакомящіе съ явленіями душевной жизни въ обыкновенномъ и глубокомъ снѣ.

Въ частности здѣсь рѣчь идетъ о сновидѣніяхъ, объ усиленіи памяти во снѣ, о скрытой умственной дѣятельности во время сна, о драматическомъ раздвоеніи сознанія во снѣ, о вѣщихъ снахъ, о явленіяхъ сомнамбулизма (ясновидѣнія), гипнотизма, и т. п. таинственныхъ явленіяхъ душевной жизни человѣка.

Въ третьей части помѣщены частію разсказы, частію статьи о явленіяхъ душевной жизни человѣка послѣ его тѣлесной смерти, удостоверяющіе въ бытіи загробной жизни и посмертномъ существованіи человѣческой личности.

Въ частности здѣсь говорится о таинственныхъ предзнаменованіяхъ кончины людей, о явленіяхъ душъ умершихъ людей, о смерти, о воскресеніи мертвыхъ, о жизни будущаго вѣка, о спасеніи души и т. п. Назначеніе этого отдѣла привести читателя къ признанію того свойства души человѣческой, по которому она называется безсмертною.

Въ приложеніи къ книгѣ мы помѣстили разсказы, свидѣтельствующіе о бытіи Божіемъ, о бытіи и свойствахъ силъ безплотныхъ — ангеловъ и демоновъ. Не трудно замѣтить тѣсное отношеніе этого приложенія къ нашей книгѣ: признаніе существованія души, какъ самостоятельной духовной сущности, ведетъ къ признанію и силъ безплотныхъ, источника духовной жизни Бога, равно какъ и убѣжденіе въ бытіи Бога и безплотныхъ силъ приведетъ къ признанію той истины, что у человѣка есть разумная, свободная и безсмертная душа, назначенная къ вѣчной жизни.

Если, по прочтеніи настоящей книги, одни читатели укрѣпятъ и оживятъ свою вѣру въ бытіе души и духовнаго міра вообще, другіе отъ равнодушія, маловѣрія или невѣрія придутъ къ признанію истины существованія этого міра и пробудятся отъ грѣховнаго и опаснаго духовнаго сна, то составитель, прося у тѣхъ и другихъ за себя, многогрѣшнаго, св. молитвъ, будетъ несказанно обрадованъ радостію духовною и трудъ свой сочтетъ за достигнувшій своей цѣли.

Здѣсь еще разъ мы должны повторить, что нѣтъ въ мірѣ другого знанія болѣе необходимаго и болѣе важнаго, чѣмъ знаніе законовъ жизни и свойствъ души. Отъ незнанія основъ душевной жизни человѣка, отъ забвенія о свойствахъ души и ея высокомъ назначеніи, отъ отрицанія бытія души можно всецѣло извратить и испортить свою временную и погубить вѣчную жизнь. Слово Божіе учитъ насъ, что нѣтъ большей заботы въ мірѣ для человѣка, какъ забота о вѣчномъ спасеніи души. Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что, если бы человѣкъ приобрѣлъ и весь міръ со всеми его сокровищами, но погубилъ бы душу свою, то онъ не сдѣлалъ бы для себя никакого приобретенія, никакой пользы. Такъ драгоценна, по суду Божію, одна человѣческая душа! Какъ же не стараться узнать ея богоподобную природу, ея свойства и способности, ея потребности, ея назначеніе? Нѣкогда, въ вѣчности, мы глубоко, но бесплодно будемъ жалѣть, что были невнимательны въ продолженіе временной жизни къ внутренней своей природѣ. Здѣсь мы приведемъ прекрасныя слова одного ученаго, предостерегающія отъ такого поздняго сожалѣнія.

«Слово, призывающее къ самопознанію, — говоритъ онъ, — равносильно съ зовомъ, которымъ дитя, бѣгающее по цвѣтистому лугу и гонящееся за мотылькомъ, призываетъ домой.

«Нѣтъ, рано еще домой! отвѣчаетъ дитя на призывный голосъ и убѣгаетъ все далѣе по рос-

¹⁾ Мы не забываемъ также и прекрасныхъ работъ проф. бог. Нѣжинскаго лицея, свящ. о. Свѣтлова, и нѣк. другихъ авторовъ.

кошнымъ коврамъ весны. Но вотъ весну смѣняетъ лѣто, за лѣтомъ слѣдуетъ осень, зима; проходитъ годъ, другой; минули десятилѣтія,—и дитя въ пріятномъ самозабвеніи, переходя отъ однихъ заботъ къ другимъ, достигаетъ уже зрѣлаго возраста.

«Воротиться бы домой! Но нѣтъ, прекраснѣе свѣтъ со всѣмъ его обаяніями, надеждами и удовольствіями! Буда ни посмотри, вездѣ, вблизи и вдали, какъ будто волшебныя рисуются картины блаженства и манятъ къ наслажденію.

«Не уходитъ человѣкъ съ площади, пока стоитъ прекрасная погода, пока ясно свѣтитъ солнце и до ночного мрака еще далеко. Но вотъ земной свѣтильникъ меркнетъ, тѣма скрывается изъ глазъ всѣ формы вещей, доставлявшихъ ему удовольствіе, сырость вечерняго воздуха начинаетъ проникать его тѣло,—и онъ спѣшитъ подъ кровъ своей хижины. Увы, уже поздно! Въ ней нѣтъ ни свѣта, ни теплоты, въ ней мракъ ужаснѣе того, отъ котораго онъ ушелъ, и холодъ въ ней—холодъ могильный. Почему было, думаетъ онъ, не возвратиться мнѣ сюда ранѣе, чтобы освѣтить и обогрѣть свою хижину? Теперь я не страшился бы мрачной и холодной ночи и уснулъ бы спокойно, съ надеждою, что завтра встану здоровъ и веселъ.

Такова пора смерти!

«И если въ продолженіе жизни мы, по невнимательности ко внутренней своей природѣ, не прояснили для себя тѣхъ благотворныхъ ея началъ, которыя не знаютъ смерти и не подлежатъ ея законамъ, то это обращеніе наше безконечно-ужаснѣе, нежели шествіе преступника на смертную казнь» (см. статью проф. Карпова «О самопознаніи», при сочин. Дж. Мессона о томъ же, стр. 199—200).

III. Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ возраженій, которыя могутъ быть противъ задачи и характера нашего труда, гдѣ говорится о гипнотизмѣ, сомнамбулизмѣ, ясновидѣніи, телепатіи, вѣщихъ снахъ, явленіи умершихъ и т. п. предметахъ, доказывающихъ бытіе и духовность души, надъ которыми, однако же, есть много охотниковъ глумиться, какъ надъ вещами невозможными.

Насъ могутъ, безъ сомнѣнія, нѣкоторые упрекать, что наша книга посвящена такимъ вопросамъ, которыми не слѣдуетъ-де заниматься русскимъ богословамъ, какъ такими, которые-де отличаются характеромъ «суевѣрія» и «мистицизма...»

Враждебное отношеніе «просвѣщенныхъ» противниковъ къ нѣкоторымъ новымъ фактамъ, доказывающимъ бытіе духовнаго міра, хорошо извѣстно: стоитъ припомнить исторію развитія человѣческой мысли, чтобы убѣдиться, что всѣ великія и важныя истины должны были пройти черезъ горнило испытаній, которымъ ихъ подвергали приверженцы ходячаго міровоззрѣнія, не способные отрѣшиться отъ рутиннаго отношенія

къ окружающему міру и ориентироваться среди новыхъ явленій, не укладывающихся въ заранее составленныя, по однажды зазубреннымъ учебникамъ, рамки.

Всякая непопулярная истина, обыкновенно, сначала едва удостоивается вниманія; затѣмъ, когда среди прогрессивно умножающихся поборниковъ ея уже начинаютъ встрѣчаться выдающіеся представители культурнаго человѣчества, и права ея въ общественномъ мнѣніи, такимъ образомъ, значительно расширяются—противники ея переходятъ тогда изъ состоянія пассивнаго—презрительнаго или снисходительнаго игнорирования, въ активное, выражающееся или въ озлобленныхъ напакахъ, или въ беззастѣнчивыхъ глумленіяхъ, или же въ апіорныхъ отричаніяхъ. Потомъ, благодаря постоянно увеличивающемуся числу перебѣжчиковъ изъ лагеря противниковъ въ лагерь приверженцевъ новой истины, торжество ея все болѣе и болѣе растетъ и, наконецъ, завершается окончательной побѣдой.

За примѣромъ ходить недалеко; мы еще не успѣли очнуться отъ недавняго весьма назидательнаго факта признанія наукой права гражданства за гипнотизмомъ. Подъ именемъ животнаго магнетизма, или месмеризма, въ продолженіе цѣлаго столѣтія онъ клеймился позорнымъ именемъ шарлатанства; но, наконецъ, по выраженію А. Н. Аксакова, гордые оплоты научнаго *ignominia* прорвались, и наука вынуждена была растворить ему двери и усыновить своего отъ вѣка законнаго сына.

Такъ называемыя мистическія науки подверглись такой же участи. Присяжные ученые, а за ними и періодическая пресса, въ угоду имъ и духу времени, пускали въ ходъ все, чтобы предать ostracismu ненавистную истину; но побѣдоносный ходъ фактовъ дѣлаетъ—такъ свое дѣло, и таинственныя явленія въ области психизма все настойчивѣе и настойчивѣе предъявляютъ свои законныя права предъ лицомъ официальной науки. II вотъ, среди жрецовъ ея, горделиво игнорировавшихъ всѣ явленія названной области, или если и удостоивавшихъ ихъ своего вниманія, то лишь для того, чтобы презрительно обозвать мистическими бреднями больного ума. плодомъ разстроеннаго воображенія,—среди этихъ-то жрецовъ представляется нынѣ такая картина: одни изъ нихъ, между которыми встрѣчаются имена, пользующіяся даже всеобщимъ извѣстностью¹⁾, съ честнымъ мужествомъ открыто об-

¹⁾ Вотъ имена нѣкоторыхъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ фактовъ мистическаго характера, напр., гипнотизма, сомнамбулизма, телепатіи и проч.

Въ Америкѣ: проф. химіи въ Пенсильванскомъ университетѣ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ Робертъ Геръ, проф. Національной академіи Менесъ, проф. Гарвардскаго университета Уильямъ Джемсъ.

Въ Англій: извѣстный химикъ и физикъ Круксъ, знаменитый натуралистъ Уоллесъ, физикъ Варлей, профессоръ анатоміи и фізіологіи Мейо, астрономъ Гоггинсъ, проф. физики Дублинскаго университета

явили себя сторонниками того, истинность чего еще так недавно отрицалась ими; другіе подлѣтно молчатъ; третьи же, восторженно встрѣчая то, что, подъ другимъ лишь именемъ, подвергалось ими безпощадному глумленію и гоненію, побѣдоносно возвѣщаютъ міру о яко бы новомъ открытіи (иксъ-лучи, напимѣръ), между тѣмъ, какъ это «новое», на самомъ-то дѣлѣ, давнымъ-давно извѣстно, но лишь приверженцамъ «мистическихъ бредней»; и если нынѣ присяжные ученые открываютъ Америку во второй разъ, то причина этому ихъ научный догматизмъ и научное предубѣжденіе, столь часто, къ прискорбію, тормозившее прогрессъ человѣческихъ знаній. Да, несмотря на неоднократные историческіе уроки, мы вновь присутствуемъ при весьма поучительномъ зрѣлищѣ: истины, которыя, поднятыя на смѣхъ, съ позоромъ были выпровождены чрезъ парадныя двери, нынѣ вводятся чрезъ черный ходъ. Гипнотизмъ, телепатія, правдивыя галлюцинаціи—вотъ имена, которыя получаютъ старыя явленія оккультизма при ихъ научномъ крещеніи.

«Мистики, въ общемъ, «нищіе духомъ», хотя въ ихъ среду и попали такіе выдающіеся ученые, какъ Уоллесъ и Бутлеровъ, но оба эти ученые пользуются славой и уваженіемъ не потому, что они были мистиками, а благодаря своимъ чисто-научнымъ заслугамъ».

Какое невдумчивое сужденіе! Ну, не наивно ли требовать, чтобы вначалѣ же, когда только что забрежжили свѣтъ новой истины, не пользующейся еще популярностью въ общественномъ мнѣніи, приверженцы ея пользовались «славой и уваженіемъ», въ качествѣ ея защитниковъ?! Вѣдь, было жъ время, когда и знаменитый итальянскій анатомъ и фیزیологъ д-ръ Гальвани не пользовался

ни славой, ни уваженіемъ въ качествѣ открывателя новой отрасли ученія объ электричествѣ, а, между тѣмъ, открытіе это стяжало же ему и то, и другое даже въ потомствѣ.

«На меня нападаютъ», говорилъ Гальвани, «двѣ совершенно противоположныя партіи: ученые и неучи. И тѣ и другіе смѣются надо мною, называя меня лягушечьимъ танцевальнымъ учителемъ; тѣмъ не менѣе, я знаю, что я открываю одну изъ величайшихъ силъ природы».

Припомнимъ судьбу и другихъ великихъ открытій, а также тотъ приемъ, который они встрѣчали среди ученыхъ. Развѣ мемуаръ Франклина о громоотводѣ не вызвалъ въ ученостѣ собраніи Королевскаго Общества взрыва смѣха? Развѣ ученые Парижской Академіи наукъ не отрицали возможности устройства пароходовъ и паровозовъ? Не осмѣяли ли они знаменитаго астронома Араго за его электрическій телеграфъ? Не высказался ли тотъ же ареопагъ ученыхъ противъ паденія метеоровъ въ своемъ постановленіи, гласившемъ, что, такъ какъ-де на небѣ нѣтъ камней, то и падать они оттуда не могутъ? Не отрицалось ли вліяніе металловъ на организмъ, которое извѣстно теперь въ медицинѣ подъ именемъ металлоскопіи и металлотерапіи? Не отвергалась ли свѣтилами медицины теорія провозвращенія Гарвея? А общественные примѣры Коперника и Галилея?.. Удивительно, право, какъ эти и множество другихъ примѣровъ не образумили противниковъ ненавистнаго имъ мистицизма и не отучили ихъ отъ опрометчиваго сужденія о предметѣ, съ которымъ они, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, знакомы лишь по наслышкѣ.

Для каждаго безпристрастнаго и непредубѣжденнаго ума должно быть ясно, что интересъ заключается не въ томъ, что Уоллесъ и Бутлеровъ, въ качествѣ поборниковъ оккультизма, не пользуются «славой и уваженіемъ», ибо обстоятельство это, какъ мы уже выяснили, въ періодъ разсвѣта многихъ истинъ въ порядкѣ вещей, а то, что такіе «выдающіеся» ученые, какъ Уоллесъ и Бутлеровъ (и много другихъ, какъ мы видѣли ранѣе) попали въ среду оккультистовъ, особенно, если принять во вниманіе чисто положительный характеръ тѣхъ наукъ, представителями которыхъ они являются.

Къ этому мы должны присовокупить, что всѣ выдающіеся изъ русскихъ ученыхъ признавали таинственныя явленія, о которыхъ говорится въ нашей книгѣ, и считали возможнымъ и даже необходимымъ изучать ихъ.

Въ 1897 г., 17 декабря, въ засѣданіи русскаго Общества экспериментальной психологіи председатель его, заслуженный профессоръ Н. П. Вагнеръ, далъ краткій очеркъ о трудахъ Общества въ теченіе пятнадцатилѣтняго его существованія (съ 1890 — 1896 гг.). Въ это краткое время Общество успѣло затронуть почти всѣ выдающіеся

Барретъ, бывшій проф. химіи Эдинбургскаго университета Грегори, проф. математики Лондонскаго университета де-Морганъ (извѣстенъ также какъ философъ и историкъ), проф. Кембриджскаго университета Сиджвикъ, проф. физики Ливерпульскаго университета Оливеръ Лоджъ.

Въ *Германи*: проф. астрономіи и физики Лейпцигскаго университета Цолльнеръ и коллеги его Шейбнеръ и Фехнеръ, проф. физики Геттингенскаго университета Веберъ, профессора: Ульрици, Карлъ-Ю-Прель, Эм. Фихте и Фр. Гофманъ.

Во *Франціи*: проф. фیزیологіи медицинскаго факультета въ Парижѣ III. Рише, извѣстный натуралистъ, бывшій ассистентъ Пастера, д-ръ Жибе, членъ ученаго комитета министерства просвѣщенія де-Роша, извѣстный астрономъ Фламмаріонъ, физики Мангольфье и Сегенъ и ученый путешественникъ Жаколіо.

Въ *Италіи*: астрономъ Дж. Скиапарелли и извѣстный психіатръ и криминалистъ Ч. Ломброзо.

Въ *Швейцаріи*: деканъ естественнаго факультета Женевскаго университета А. Сабатье, проф. физики Женевской академіи наукъ Тюри и проф. естествознанія Бернскаго университета Перти.

Наконецъ, у насъ, въ *Россіи*: бывшій проф. химіи С.-Петербургскаго университета Бутлеровъ, извѣстный ученый и писатель А. Аксаковъ, проф. зоологіи С.-Петербургскаго университета Вагнеръ, проф. Харьковскаго университета д-ръ Шилтовъ, бывшій проф. философіи Московскаго университета Юркевичъ, извѣстный историкъ М. Погодинъ, извѣстный русскій математикъ Остроградскій, писатель, д-ръ медицины и хирургіи Даль и мн. др.

вопросы психических явлений и некоторые из них разрешило въ положительномъ смыслѣ, а именно:

а) Вопросъ о мантевизмѣ (съ котораго Общество начало свою дѣятельность) былъ разрешенъ въ засѣданіи, въ которомъ было два представителя двухъ противоположныхъ взглядовъ: И. О. Фельдманъ (который первый далъ названіе «мантевизма» чтенію или угадыванію мыслей) и С. Е. Кожуховъ, доказавшій опытами, что онъ исполняетъ поставленные ему задачи безсознательно, т.-е. безъ участія какого бы то ни было умышленнаго движенія и догадки.

б) Вопросъ о сомнамбулизмѣ и возможности чтенія закрытыхъ писемъ былъ разрешенъ утвердительно г-жей М. и пользовавшимся ее докторомъ А. Н. Ховринымъ. Опытами руководила особая коммиссія изъ гг. членовъ Общества.

в) Вопросъ о существованіи медиумизма, представляющій такую спорную область, былъ разрешенъ также въ утвердительномъ смыслѣ специальной коммиссіей, выбранной изъ членовъ Общества. Эта коммиссія, въ числѣ шести ея членовъ, была свидѣтельницей излученія изъ тѣла медиума свѣтищихся массъ, принимавшихъ форму человѣческихъ рукъ, производившихъ различныя движенія: стукъ, передвиженія, бросаніе предметовъ и т. п.

г) Свѣтовые медиумическія явленія привели Общество къ заключенію, что съ изученія этихъ явленій должно начаться изслѣдованіе свѣтосущихъ психическихъ явленій. Вслѣдствіе этого, Общество избрало изъ своей среды коммиссію, которая занялась изученіемъ свѣтовыхъ, такъ называемыхъ, одическихъ явленій, и члену этой коммиссіи С. Е. Кожухову удалось фотографировать свѣтовые истеченія изъ полюсовъ искусственнаго магнита.

е) Опыты надъ электрографіей І. А. Наркевича-Юдко привели Общество къ убѣжденію въ необходимости изслѣдовать вліяніе человѣка на свѣченіе гейслеровыхъ трубокъ. При этомъ изысканіи вице-президентъ Общества Ф. Ф. Фишеръ нашелъ возможность полученія свѣтовыхъ явленій съ однимъ проводникомъ, причѣмъ это свѣченіе измѣнялось различнымъ образомъ, что, повидимому, зависѣло отъ функций и вліянія человѣческаго организма. (См. письмо въ ред. «Нов. вр.»; см. «Ребусъ» 1879 г., № 1).

Пойдемъ далѣе.

Филаретъ, митрополитъ московскій, этотъ безспорно гениальный духовный писатель, признавалъ въ человѣкѣ способность проникновенія въ будущее въ различной степени. Разъ, спрошенный Антоніемъ (намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры) о зрѣніи безъ пространства, онъ отказался разсуждать объ этомъ: «О зрѣніи безъ пространства разсуждать, вѣроятно, я и не умѣю, и не имѣю свободы разговаривать о семъ¹⁾».

¹⁾ См. его письма къ Антонію, № 127.

Но въ другой разъ вотъ что онъ пишетъ намѣстнику, весьма, впрочемъ, секретно: «О Петровой мало я вамъ говорилъ потому, что вамъ ея состояніе не казалось хорошимъ, а мнѣ казалось хорошимъ, хотя и не совершеннымъ, и я не хотѣлъ опираться на свое мнѣніе; но я зналъ о ней не мало примѣчательнаго; съ нею бывало такое состояніе, что она видѣла въ духовномъ мірѣ, сохраняя сознаніе видимаго чувственнаго міра, и тогда скрывала видимое въ духовномъ мірѣ, но иногда теряла при семъ сознаніе видимаго міра, и ея необыкновенное состояніе могло быть примѣчено. Для сего старались удалять отъ нея постороннихъ, но одна христіанская подруга ея имѣла къ ней всегда безпрепятственный входъ. Такимъ образомъ, однажды, вошедши къ ней, услышала, что она уговариваетъ султана не начинать войны съ Россіей. Это было гораздо ранѣе посольства князя Меншикова, когда никто не думалъ о войнѣ съ Турціей. Года за два или за три до кончины покойнаго императора она говорила, что жизнь его не продолжится, и что врачъ не безъ вины будетъ. О видѣніи преп. Сергія въ ризницѣ она мнѣ написала записку, сказавъ, что видѣла во снѣ, какъ обыкновенно выражалась, когда открывала нѣчто изъ своихъ видѣній... Въ первое время болѣзни моей матушки она прислала мнѣ просфору, принесенную за ея здравіе съ запиской, въ которой сказала, что это послѣдняя изъ сорока, ежедневно принимаемыхъ, и что это ей вѣрно было сдѣлать. Мнѣ примѣтно было, что матушка проходила въ сіе время нѣкоторое душевное состояніе, которому особенно приличествовала молитвенная помощь, которое потомъ переѣнилось на лучшее. Несомнѣнно вѣрное слово: *пришедшу слову познають пророка* (Іер. XXIII, 9); но при нѣкоторыхъ признакахъ, и прежде исполненія, оставлять безъ вниманія предостерегающее слово едва ли благоразумно. Если слово предостереженія примемъ, какъ посланное, и употребимъ осторожность, то, хотя бы она оказалась ненужною, грѣха и вреда не будетъ; а если оставимъ предостереженіе безъ вниманія, и оно окажется справедливымъ, будетъ и вина и вредъ».

Интересуясь вопросомъ о предсказаніяхъ, намѣстникъ еще разъ вызвалъ Филарета на разсужденіе объ этомъ дарѣ. Вотъ что митрополитъ отвѣчалъ ему: «Вы предлагаете мнѣ вопросъ, на который отвѣчать не дѣло моей малой мѣры: есть ли нынѣ нужда въ пророчествахъ, хотя и частныхъ? И люди великой мѣры возьмутся ли отвѣчать на сіе? Господь, правящій міромъ, вѣдаетъ, нужно ли Ему и нынѣ сіе орудіе, которое Онъ употреблялъ нерѣдко прежде. Пророкъ Амось (III гл.) свидѣтельствуетъ: *«не сотворитъ Господь Бога дѣла, аще не открытъ наказанія Своего рабамъ Своимъ пророкамъ»*. Пророкъ представляетъ какъ бы обычнымъ для Господа, чтобы о всякомъ дѣлѣ, которое Онъ